

Как и ожидалось, стоило Янь Цзинь Цю и Хуа Си Ван войти в дверь, появился слуга и доложил, что вторая госпожа из поместья Хуа уже почти четыре часа дожидается их.

- Знаю.

Хуа Си Ван не стала дожидаться, пока Янь Цзинь Цю заговорит, и сказала: «Цзинь Цю занят. Я пойду проведаю вторую тетю». Было бы гораздо проще, если бы она сама рассказала об этом деле. Если Янь Цзинь Цю будет втянут в это, то избавиться от проблемы будет не так-то просто.

Янь Цзинь Цю, который обычно не оставлял Хуа Си Ван одну в это время, не колебался. Он кивнул и повел Му Туна и остальных во двор. Он давал понять, что предоставил Хуа Си Ван полную власть решать, как поступить с этим вопросом.

- Я иду в кабинет. Если что-нибудь случится, пошлите кого-нибудь сообщить мне.

Умный человек без труда прочитал бы мысли Янь Цзинь Цю. Он хотел сказать: «Не бойся - даже если есть проблема, я о ней позабочусь».

Хуа Си Ван кивнула, затем приказала слуге отправиться к Чжан-ши и пригласить ее подождать в боковом зале. Она же пойдет во внутренние комнаты, чтобы переодеться перед встречей с гостьей.

- Цзюнь ванфэй, вторая госпожа уже прибыла по делу о смерти господина Чжана? - Цзы Шань выбрала золотую заколку-бабочку, чтобы закрепить волосы Хуа Си Ван. - Вторая госпожа всегда считала себя выходцем из ученой семьи и смотрела на нашу госпожу свысока, потому что происходила из благородной семьи. Почему она пришла умолять нас сейчас?

- Редко какой человек может избежать встречи с вещами, которые заставили бы его склонить голову. Поэтому не стоит смотреть свысока на других людей, основываясь на их связях. Вот почему старики говорят: «Тридцать лет на востоке от реки, тридцать лет - на западе [1].

Хуа Си Ван не стала ругать Цзы Шань за ее некрасивые слова. Обычно поведение ее второй тети было не из приятных. Она лишь пользовалась отношением к ней ученых, но не обладала их талантом или их стилем. Чем тут можно было гордиться?

Надев серьги, Хуа Си Ван потеряла кулон из кровавого нефрита и небрежно сказала: «Идём».

Ее действительно не назовешь великодушным человеком. Она видела, как Чжан-ши обращалась с ее матерью и пренебрегала ею все эти годы. Если бы она отплатила за пренебрежение милостью такой «родственнице», это было бы странно.

В боковом зале поместья Цзюньвана Чжан-ши в это время разглядывала убранство. Ее рука дрожала, пока она держала чашку. Куда только подевалась ее гордая осанка? Когда Хуа И Лю увидела ее состояние, она взяла мать за руку и сказала: «Мама, не паникуй. Двоюродная сестра скоро придет».

- И Лю, ты должна поговорить с Цзюнь ванфэй. Она всегда была добра к вам, девочки. Если будешь говорить ты, она будет более внимательна. - Чжан-ши очень хорошо знала, что Хуа Си Ван видела ее поведение в обращении с невесткой все эти годы. Хотя девушка была не из тех, кто много говорит, по ее холодному отношению было видно, что она все помнит.

Хуа И Лю почувствовала легкую горечь. Мать, вероятно, взяла ее с собой сегодня, чтобы умолять кузину. Слушая слова матери, она чувствовала себя немного неловко. Все они были дочерьми семьи Хуа. Поскольку семья Чжан были ее родственниками с материнской стороны, к ним поступало много предложений о браке. С другой стороны, Хуа Си Ван, законную дочь хуа И'Ань, не очень любили семьи ученых из-за слухов, а также потому, что семья ее матери была связана с военными. Поэтому никто никогда не спрашивал о ней. Она чувствовала, что слухи снаружи преувеличены, но в глубине души радовалась. В противном случае, на прошлогоднем фестивале ста цветов, когда княжна Мин Хуай спросила ее о Хуа Си Ван, она не стала бы намеренно вводить ее в заблуждение, чтобы та поверила слухам.

Она вспомнила, что немного сожалела, когда вернулась домой. Она также чувствовала себя неловко от таких мыслей. Лишь несколько месяцев спустя, когда император объявил о женитьбе Хуа Си Ван, она подавила чувство сожаления. По крайней мере, кузине не жилось плохо из-за слухов снаружи, и она смогла выйти замуж за Сянь Цзюньвана, которым были очарованы многие женщины. Это было то, чего жаждали и не могли достичь множество девушек.

Поначалу она была счастлива, но когда увидела, как ее гордая мать кланяется и расшаркивается перед Хуа Си Ван, умоляя ее сделать что-нибудь, счастье внутри превратилось в смешанные чувства и причинило ей боль.

Как раз в тот момент, когда Хуа И Лю размышляла об этом, до нее донеслись приветствия служанок. Она подняла голову и увидела, как несколько красивых служанок ввели Хуа Си Ван. Она казалась центром внимания и выглядела чрезвычайно благородной.

Чжан-ши увидела, как вошла Хуа Си Ван, и, напрягшись на мгновение, встала со стула. Прежде чем она успела сделать поклон, Бай Ся поддержала ее.

- Вторая тетя, кузина. - Хуа Си Ван улыбнулась им обоим и жестом показала служанкам, чтобы они помогли им сесть. - Я была в имении принцессы Жуй Хэ и не знала о вашем приезде. Я заставила вас долго ждать.

- Нет, это мы пришли без приглашения. В этом нет вины Цзюнь ванфэй, - сказала Чжан-ши и заставила себя улыбнуться. - Я слышала, как моя мать упоминала о том, что произошло сегодня. Это наверняка потрясло тебя.

- Такое преступное злодеяние - никто не хотел, чтобы подобное случилось. Вторая тетья, пожалуйста, уйми свою печаль и прими это горе, как данность, - сказала Хуа Си Ван. - Как поживают чиновник Чжан и госпожа Чжан?

Чжан-ши вытерла платком покрасневшие глаза. Ее голос был слегка хриплым, но не дрожал.

- Моя мать заболела сразу же после возвращения в поместье. Мы пригласили придворного лекаря, и он сказал, что это болезнь сердца. Мой брат - единственный сын в семье, и мои родители очень любили его. Теперь, когда они столкнулись с таким несчастьем, два старых человека не могут принять его гибель. Я пришла сегодня, чтобы попросить тебя замолвить словечко о моей семье по отцовской линии перед Цзюньван Е. Мы не просим ничего другого, только чтобы убийца моего брата был найден.

- Мы одна семья - отставим вежливости в сторону. Я слышала, что император уже отправил Шэн Цзюньвану указ, чтобы он помог судебному ведомству провести расследование. Цзюньван нашей семьи не отвечает за это дело, но для него не составит труда разузнать подробности, - сказала Хуа Си Ван, слегка сморщив нос. - Шэн Цзюньван обычно справедлив и следует букве закона. Я верю, что он докопается до сути этого дела.

Чжан-ши знала, что император приказал Шэн Цзюньвану взять это дело в свои руки. Со стороны будет выглядеть странно, если Сянь Цзюньван обратит на это дело слишком пристальное внимание. Но их клан Чжан никогда не был близок к членам императорской семьи, а Шэн Цзюньван был человеком неприступным, поэтому им не к кому было обратиться за помощью. Им оставалось только развернуться и направить свои стопы к Сянь Цзюньвану.

Первоначально она хотела попросить Хуа Си Ван помочь им разузнать, как продвигается расследование, но знала, что даже если Хуа Си Ван согласится, Сянь Цзюньван не сможет этого сделать. Поэтому, поколебавшись некоторое время, она лишь несколько раз выразила свою благодарность за беспокойство.

- Уже темнеет. Вторая тетья, кузина, останьтесь и поешьте. - Хуа Си Ван посмотрела на небо за окном. - В этом доме не так много редких вещей, но есть сезонные фрукты и овощи.

Чжан-ши хотела немедленно согласиться, но она понимала, что если она действительно сделает это, независимо от того, поможет ли ей Сянь Цзюньван или нет, он будет невысокого мнения о них.

- Мы не должны отказываться от добрых намерений Цзюнь ванфэй, - сказала Чжан-ши с улыбкой на бледном лице, - но дома нас ждут на ужин. Мы не будем беспокоить Цзюнь ванфэй и Цзюньван Е.

- Раз так, я не стану принуждать вас остаться, - Хуа Си Ван оперлась на руку Бай Ся, чтобы встать. - Уже поздно, я не буду вас провожать.

- Да, конечно, не нужно. - Чжан-ши тоже встала. Она присела в поклоне перед Хуа Си Ван. - Мы и так побеспокоили тебя.

Хуа Си Ван поклонилась в ответ и отослала Чжан-ши и Хуа И Лю из бокового зала. Она остановилась и посмотрела, как они уходят, а потом холодно сказала: «Возвращаемся в главный зал».

В экипаже, покинувшем поместье Цзюньвана, Чжан-ши наконец-то позволила себе выразить свои настоящие чувства и скорчила гримасу. Хуа Си Ван держалась вежливо, говорила красивые слова, но на самом деле ни на что не соглашалась. Но Чжан-ши не могла найти повода заговорить снова, а если попыталась бы, то потеряла лицо. Вначале она смотрела свысока на происхождение невестки, а теперь ей приходилось молить о помощи ее дочь - ну не шутка ли?

Хуа Си Ван действительно получила прекрасное воспитание, поэтому не выставила ее за дверь.

- Мама, Си Ван согласилась помочь. Не волнуйся, - утешала ее Хуа И Лю теплым голосом. - Трудно смириться со смертью дяди, но тебе нужно думать и о своем здоровье.

Чжан-ши похлопала ее по руке и посмотрела в ее непонимающие глаза. Она не могла открыто сказать, что хотя слова Хуа Си Ван были приятны на первый взгляд, на самом деле пользы в них не было никакой. В конце концов, она только вздохнула.

Раньше она думала, что, хотя ее дочь не так красива, как Хуа Си Ван, а ее таланты не так хороши, как у Хуа Чу Юй, она, по крайней мере, была теплым и внимательным человеком. Теперь, когда она сравнила свою дочь с Хуа Си Ван, она обнаружила, что воспитала ее слишком наивной. Она не знала, что будет делать, когда ее дочь выйдет замуж.

В главном зале, после того как Хуа Си Ван и Янь Цзинь Цю поужинали, они сели за каменный стол снаружи, чтобы полюбоваться луной и поболтать.

Хуа Си Ван не понравилось сидеть на каменной скамье, поэтому она попросила Бай Ся принести мягкую подушку. Она подперла рукой подбородок и посмотрела на ясную луну, вполуха слушая рассказ Янь Цзинь Цю.

- В детстве я как-то подрался со своим младшим братом и чуть не упал в бассейн в поместье. - Янь Цзинь Цю налил себе чашку чая. Подув, он сделал небольшой глоток. - Когда умер отец, а мы с братом разделили хозяйство, я велел слугам наполнить бассейн.

Другими словами, хотя незаконнорожденные сыновья не трепетали перед законными, они всё равно вели себя иначе. Было действительно интересно, что сыновья одного отца с таким разным положением могли подраться.

Словно зная, о чем думает Хуа Си Ван, Янь Цзинь Цю лениво повертел чашку в руке.

- Моя мать рано умерла, и я вырос во дворце вдовствующей императрицы, так что я не очень близок с сестрой. После того, как я вернулся в поместье, слуги лебезили передо мной, ведь я был единственным законным сыном. Это вызвало недовольство моего брата и сестры, и через некоторое время поднялся шум.

- Что потом?

Хуа Си Ван посмотрела на улыбку, застывшую на губах Янь Цзинь Цю, и спросила: «Знал ли об этом свёкор?»

- Он не занимался делами внутреннего двора, но знал об этом деле, - когда он упомянул Сянь Вана, тон Янь Цзинь Цю был очень спокойным. - Позже моего брата и сестру отругали. Отец начал испытывать неприязнь к матери брата. Чтобы предотвратить ситуации, когда казалось бы, что мы с братом имеем равные права, отец начал отдаляться от брата. Перед смертью он велел отдать брату только одну десятую часть имущества.

Казалось, это были только слова, которые не имели никакого отношения к Янь Цзинь Цю, но Хуа Си Ван посмотрела на этого тепло улыбающегося человека и почувствовала неопределимую волну холода.

[1] в связи с изменением русла реки деревня, которая была на восточном берегу, могла оказаться на западном. Образное значение выражения «Тридцать лет на востоке от реки (Хуанхэ), тридцать лет - на западе» - все течет, все меняется; жизнь полна подъемов и падений; превратности жизни.

<http://tl.rulate.ru/book/5480/766389>